

Алла Мстиславовна АРХАНГЕЛЬСКАЯ

Семантика ДРОГИ во фразеологии славянских языков: соотношение сакрального и профанного

В статье изучено соотношение сакрального и профанного в семантической эволюции и фразеологической интерпретации дороги средствами русского, украинского и чешского языков. Выявлены рефлексии древних семантических оппозиций «свой»–«чужой», «прямой»–«кривой», «сухой»–«мокрый» как базовых мотивационных образов фразеологизмов. Определены сходства и различия в культурно-семантической реконструкции дороги в славянских лингвокультурах.

Ключевые слова: дорога; сакральное; профанное; культурно-семантическая реконструкция; семантическая эволюция

The Semantics of the ROAD in Phraseology of Slavic Languages: the Ratio of the Sacred to the Profane

The paper deals with the ratio of the sacred to the profane in the semantic evolution and phraseological interpretation of the ROAD by means of Russian, Ukrainian and Czech languages. The reflections of some ancient semantic oppositions (OWN—OTHERS, STRAIGHT—CURVE, DRY—WET) are identified as the basic motivational models of phraseological units formation. In the analysis there were also identified the similarities and differences in cultural and semantic reconstruction of the ROAD in Slavic linguocultures.

Key words: road; sacred; profane; cultural and semantic reconstruction; semantic evolution

В последнее время исследователи все чаще обращаются к поиску связей между элементами духовно-образной среды наших предков, в частности между реалиями мифологизированного пространства, их исходными сакрально-мифологическими значениями и дальнейшим

семантическим ореолом, воплощенным в системе фразеологических единиц и актуальных общеязыковых значений, объективирующих эту реалию¹. Ретроспективный подход к изучению исходного образа реалии как фрагмента культурного кода на фоне ее последующих смысловых «превращений» открывает возможности поиска сходств и различий в его культурно-семантической реконструкции средствами фразеологии.

Мифологема **дорога** как фрагмент пространственно-динамического и вербально-деятельностного кода привлекала внимание многих ученых², однако в таком ракурсе исследована не была. Цель статьи — изучить соотношение сакрального и профанного в семантической эволюции и фразеологической интерпретации *дороги* средствами русского, украинского и чешского языков; проследить рефлексии древнейших семантических оппозиций «свой»–«чужой», «прямой»–«кривой», «правый»–«левый», «сухой»–«мокрый» как базовых мотивационных образов; выявить сходства и различия в культурно-семантической реконструкции дороги в славянских лингвокультурах. Материалом послужили словари общего типа (толковые, фразеологические, паремиологические) и аспектные — этимологические, диалектные, словари народных сравнений русского, украинского и чешского языков.

Под *сакральным* (в широком смысле) мы понимаем все, что ассоциируется с определениями *обрядовый, ритуальный, таинственный, магический*, — так фразеологизмы, содержащие сему ,перемещение в магическом пространстве дороги³ «могут рассматриваться как культурные знаки, интерпретация которых — особого рода декодирование означаемого через означающее с учетом знаний народной культуры, обрядов, верований и т. п. и традиционных моделей структурирования наивной (архаичной)

¹ TOLSTAJA, S. M.: *Semantičeskije kategorii jazyka kul'tury: Očerki po slavjanskoj ètnolingvistikie*. Moskva, URSS, 2010, SVEŠNIKOVA, T. N., CIV'JAN, T. V.: *K funkcijam posudy v vostočnoroman-skom fol'klоре*. In: *Iz rabot Moskovskogo semiotičeskogo kruga*. Moskva, Jazyki russkoj kul'tury, 1997, 345–375. CHARČENKO, V. K., TONKOVA, Je. Je.: *Lingvistika narodnoj primety*. Belgorod, 2008 и др.

² ZORINA, L. Ju.: *Put' da dorozhen'ka!* In: *Russkaja reč'*, 2013, № 5, 102–110, ABRAMOVA, N. S.: *Mifologema doroga kak bazovyj semantičeskij komponent jazykovoj kartiny mira*. In: *Ural'skij filologičeskij vestnik. Serija «Psihologingvistika v obrazovanii»*. 2013, vyp. 4, 116–125, BAJBURIN, A. K.: *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukturno-semantičeskij analiz vostočnoslavjanskich obrjadov*. Sankt-Peterburg, 1993, ČEREPANOVA, O. A.: *Put' i doroga v ruskoj mental'nosti i drevnich tekstach*. [Elektronnaja versija]. Dostup s <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html>, ŠČEPANSKAJA, T. B.: *Kul'tura dorogi na russkom Severe*. In: *Russkij Sever*, 1992, BONDAR, T. V.: *Ukrajins'ki, rosijis'ki ta anhlijs'ki stali vyrazy z komponentamy doroga, šljach, put', road ma way: zistavnyj analiz*. Kul'tura narodov Pričernomor'ja, 2007, № 110, т. 1, 52–54 и др.

модели мира»³. *Профанное* в таком случае — обыденное, мирское, повседневное, лишенное мифологическо-магической составляющей.

Дорога в современном значении — «полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения» и перен. «образ действий, направление деятельности»⁴ — относится к сфере профанного и никак не отражает ее первичного символическо-мифологического статуса в магическом пространстве культуры. Словарь В. Даля также не фиксирует у слова сакральных компонентов: *дорога* «ездовая полоса: накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяжение, для езды, для проезда или прохода; путь, стезя; перен. средство, способ достижения чего-либо; род жизни, образ мысли, дела и поступки человека»⁵. Однако в традиционной народной культуре славян *дорога* — сакрально и ритуально значимый локус, образ связи между двумя точками магического пространства, имеющий многозначную семантику и функции в контексте мифологического его восприятия древним человеком. Ее постоянные характеристики — сложность и опасность⁶.

В каждом из изучаемых нами языков есть несколько наименований дороги, однако не все они оказались вовлечены в сферу фразеологической номинации. В русском языке ими оказались *дорога* и *путь*⁷, в украинском — *дорога*, *путь*, *шлях* и *стежка*, в чешском — *cesta*. При этом историко-этимологический анализ выявляет сему «опасный» только у слов *дорога*, *путь* и *шлях* (рус., укр. **дорога** — и.-е. **dorg* «продранное в лесу пространство» (лес в мифологическом значении — враждебное человеку

³ VOROB'JEVA, N. A.: *Sakral'noje kak komponent jazykovoje idiomatiki*. In: Političeskaja lingvistika. 2005, № 16, 131–138.

⁴ OŽEGOV, S. I., ŠVEDOVA, N. Ju.: *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Moskva, Russkij jazyk, 1996.

⁵ DAL', V. I.: *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka*. T. 1. Moskva, 1956.

⁶ *Slavjanskije drevnosti. Ėtnolingvističeskij slovar'*. T. 2. Moskva, Meždunarodnyje otnošenija, 1999, s. 124–129.

⁷ Синонимами к слову *дорога* в **русском языке** выступают *путь* «полоса земли, служащая для передвижения (езды, ходьбы); дорога», *тракт* «большая наезженная дорога», *большак* «большая грунтовая дорога (в отличие от проселочной)», *шлях* «южн. тракт, дорога, путь; большая, столбовая, наезженная дорога», *гостинец* «диал. большой битый шлях», *стезя* «путь, дорога (в торжественно-приподнятой речи)». В **украинском языке** синонимичными к *дорога* являются *путь* «смуга землі, призначена для ходіння, їзди; шлях, дорога», *шлях* «велика уторована проїзна дорога (битий шлях)», *тракт* «велика проїзна дорога», *гостинець* «від слова гість: велика проїзна дорога, якою приїздили купці (гості)», *путівець* «невелика дорога між селами», *манівець* «круглий шлях». В **чешском языке** *cesta* синонимизируется с *dráha* «pruh země upravený pro jízdu, chůze apod.» Наименования дороги *pouť* и *trať* в современном языке отошли от исходной семантики дороги (*pouť* обозначает «cestování», *trať* — «dráha pro kolejové prostředky»). *Stežka* в современном употреблении — «úzká cesta pro pěší nebo pro jezdce», хотя исторически — «hlavní cesta spojující zemi s cizinou».

пространство)); рус., укр. **путь** — и.-е. **rou* «преодоление; дорога, изобилующая опасностями» (ср. рус. *путьик* «дорога охотника, обходящего свои ловушки»; *путина* «рыболовная кампания»); укр. **шлях** — заимствование из немецкого посредством польского (нем. *Schlag* «удар», с.-в.-н. *schlāch* «удар, след, часто от копыт коня» (отсюда укр. *битий шлях*), а также «дорога»). Н. Горяев настаивает на связи слова *шлях* с нем. *Schlichweg* «окружной путь; темная дорога»⁸. В чешском языке этимологи связывают наименование дороги *cesta* с и.-е. *(s)*kaid*-t «чистый, ясный», лит. *skāistas* «ясный, чистый» и *kaisti* «выровнять», ср. ст.-сл. **čestiti* «чистить, прокладывать дорогу сквозь что-либо», позже изменившееся в *čistiti*⁹. Попытаемся проследить, как «генная память» ключевых наименований дороги в сопоставляемых языках «проявится» в семантике и прагматике фразеологизмов и паремий, связанных с семантикой дороги и передвижения по ней.

Мифологема **дорога** в результате культурно-семантической реконструкции средствами фразеологии¹⁰ предстает в нескольких ипостасях, логически и по смыслу связанных друг с другом. Первая сакрально-магическая ипостась дороги — **жизненный путь, путь души в «иной» мир**. Концептуальная сфера перемещения в пространстве как путешествия по дороге издавна использовалась в качестве предметного представления земной жизни человека, а смерть осмысливалась как переход из реального в потусторонний мир, как нелегкое, опасное путешествие в далекий, неизвестный локус. Именно поэтому во фразеологических системах славянских языков дорога соотносится с жизненным путем, путем души в загробный мир. Представления о дороге на «тот свет» отражены в многочисленных славянских фразеологизмах, обозначающих близость к смерти, последние часы жизни человека, предсмертную агонию. О человеке, к которому приближается смерть, русские говорят, что он *стоит на смертной (Божьей) дороге, в дорогу собирается*, что ему *Господь открыл дорогу*. Умиравшего нельзя тревожить слезами, чтобы не *сбить с дороги*. Конец жизненного пути объективируется в выражении *завершить свой жизненный путь*.

⁸ GORJAJEV, N. V.: *Opyt sravnitel'nogo ètimologičeskogo slovarja russkogo jazyka*. Tiflis 1986.

⁹ Исходное значение слова, вероятнее всего, не имело связи со словом «дорога». Первоначально оно могло обозначать свободный проход, например, в толпе неприятеля или густых зарослях (ср. стч. *meĕm cestu proklesti, cestu sobĕ vymejtit, prostřit sobĕ cestu*). Таким образом, *čestiti místo před sebou* обозначало «делать его чистым, свободным, устранять препятствия» (Mach.).

¹⁰ В исследовании термин *фразеология* используем в широком его понимании; в таком случае фразеология включает и собственно фразеологизмы, и образные народные сравнения, и паремии.

Выразительно представлена эта ритуально-мифологическая составляющая дороги в украинской фразеологии: *всім нам єдна дорога* «всем придется умереть», *дорога до Бога* «смерть», *стояти на Божій (смертній, останній) дорозі* «чувствовать приближение смерти; быть при смерти», *вирушити (ніти) в останню путь (вічну дорогу)* «умереть». В чешской фразеологии находим выражения: *na cestě dříví nesekej* (tj. života sobě neukracuj, nebo život je cesta)¹¹ с примечанием, что это перевод с латинского, *doprovázet někoho na poslední cestě* «похоронить кого-либо», книжн. *skončit svou pozemskou pouť*, а также воплощенную во фразеологическую форму мысль о неотвратимости смерти: *Smrt cestu najde* (ср. рус. *Смерть дорогу сыщет*, укр. *Смерть дорогу знайде*). Как видим, дорога в системе магических пространственных координат соединяет свой мир с чужим, являясь началом или продолжением мира мертвых.

Вторая ипостась сакрально-мифологической дороги — **дорога как разновидность границы между «своим» и «чужим» пространством**. В представлениях славян дорога — сакрально негарантированное место, где проявляется судьба, доля, удача человека. В предметных представлениях о земной жизни судьбе принадлежит особая роль, ведь путь от рождения до смерти человека с самого начала полностью предопределен высшими силами. Жизненный путь (доля) особо актуален для восточнославянской, особенно украинской этнокультуры, где доля — сверхъестественное существо, предопределяющее судьбу человека и его земной путь. По украинским поверьям, Беду (Недолю), имеющую внешность человека или животного, можно связать и оставить на дороге; тогда она перейдет к тому, кто ее найдет и освободит¹².

Счастливая доля в системе мифосимволического мировидения ассоциируется со «своим», близким и благоприятным для человека жизненным пространством, несчастливая — с «чужим», отдаленным и враждебным. Связь дороги с потусторонним миром и семантикой пути делает ее местом, где узнается судьба. Представления славян о «своей», благоприятной дороге воплощены в многочисленных фразеологизмах и паремиях, представляющих дорогу как Божий суд-присуд, ведь именно высшие силы (Бог, святые, небо) могут обеспечить удачу в дороге: рус. *Нужный путь бог правит (кажет)*; *Попостись, помолись да в дорогу соберись*; *Призывай бога на помощь, а св. Николу в путь!* Подобное явление наблюдаем и в украинском (*Яку мені Пан Біг дорогу дав, такою іду!*), и в чешском языке (*Za Bohem-li*

¹¹ FLAJŠHANS V.: *Česká přísloví. Sbirka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. Olomouc, VUP, 2013, s. 65–66.

¹² *Slavjanskije drevnosti. Ètnolingvističeskij slovar'*. T. 2. Moskva, Meždunarodnyje otnošenija, 1999, s. 125.

půjdeš, dobrou cestu najdeš; Napřed se nebe ptej, potom se na cestu dej). Неисповедимость жизненного пути как Божий промысл отражена и в библеизмах рус. *Пути Господни неисповедимы*, укр. *Несповідимі шляхи Господні*, чеш. *Cesty osudu jsou nevyzpytatelné*.

Представления о том, что у каждого человека есть «своя», предначертанная свыше дорога, находим во всех изучаемых языках: рус. *идти своим путем (своей дорогой)*, укр. *дорогу кожний топче, верстати (свою) дорогу (шлях, путь)*, чеш. *jít svou cestou*. При этом «чужая» дорога как граница, предполагающая выход из своего жизненного пространства, воспринимается крайне нежелательно: рус. *У тебя своя дорога, у меня своя*, укр. *Я твоїми дорогами не ходжу!* чеш. *Jdi svou cestou!* — не вмешивайся в «мое», а для тебя «чужое» жизненное пространство.

Семантика объединения/разделения «своего и чужого» пути-пространства характеризует и выражения рус. кому с кем *по пути*, кому с кем *не по пути*, укр. кому з ким *по дорозі*, кому з ким *не по дорозі*, у кого з ким *спільні шляхи*, у кого з ким *різні шляхи* (ср. рус. *Ему к нам запала дорога* «нельзя более ходить, бывать в доме»). В чешской паремиологии имеем выражение *Kdož dvěma cestami choditi chce, neb zadek neb roucho sobě roztrhnúti musí* — о невозможности объединения «своей» и «чужой» дороги и образного «сидения на двух стульях одновременно». Невозможность или проблематичность объединения (слияния) «своей» и «чужой» дороги, связанная с их «перегораживанием» зловредным объектом, засвидетельствована в рус. *дорога бьльем (крапивой, лебедой) поросла*, укр. *дорога (стежка) терном (ожиною, кропивою, лободою, биллям) поросла*. Фитонимы, делающие невозможным слияние этих пространств, — символы или непроходимого пути, или «чужого» пространства, поскольку растут за границами человеческого жилья, в пустых (нечистых) местах.

Особое магическое значение в отношении «своего» и «чужого» пространства имело не только их разделение, но и пересечение. Вторжение в «чужое» пространство путем его перегораживания, перекрытия или усложнения возможности продвижения по дороге связывалось с препятствиями, помехами, затруднениями, а в целом — с семантикой «навредить, помешать»: рус. *стать на пути (на дороге)* кому, *стать поперек дороги (пути)* кому, *перейти дорогу* кому, *перебегать (перебивать, переезжать) дорогу* кому, *заступать дорогу* кому, укр. *влізти кому в дорогу, заїхати кому в дорогу (поперек дороги), заорати (сперти) дорогу* кому, чеш. *stát někomu na cestě (v cestě), zkrřížit (zasekat, zalehnout) někomu cestu*, (ср. рус. *дать (открыть) кому дорогу*, укр. *дати (відкрити) дорогу* кому, чеш. *dát (otevřít) cestu někomu*). Дорогу кому-либо можно было перекрыть, сделать недоступной не только реальным действием, но и ритуально-магическим

словом. В славянской фразеологии находим единицы, содержащие отгоски заговора: рус. *заказать кому дорогу (путь)*, укр. *заказати дорогу кому*, чеш. *chodit po zapověděných cestách*, где древнее значение *заказать/заказати/zapovědět* «заговорить» (укр. *заказати дорогу кому* толкуется как «заворожить»¹³) трансформировалось в более позднее, сегодня устаревшее «предупредив, запретить» (ср. рус. *другу и недругу закажу*, чеш. *zákaz*).

Особое место в реконструкции мифоритуальной составляющей дороги занимают благопожелания и злопожелания (проклятия). Традиционные благопожелания на дорогу рус. *Счастливого пути! По пути Бог в помощь! Путь да дорога (дороженька)! Ровной (легкой) дороги! Мир дороженьке (дорожкой)!* укр. *Щаслива ти дорога! Легкої (чистої) дороги (та захисту від Бога)!*, *Рушиками дорога!* чеш. *Šťastnou cestu!* связаны с пожеланием человеку на всем ее протяжении остаться в «своем», хранимом судьбой, богом и положительными атрибутами дороги пространстве.

Украинское проклятье на смерть и болезнь *Бодай му дороги не було ні перед ним, ні за ним!* «чтоб он умер, перестал ходить» также перекликается с магической семантикой «своей» дороги-судьбы (доли). Иные проклятия содержат пожелание адресату оказаться не на «своей», но на «чужой», чуждой ему дороге (*Иди в погану дорогу! Пся би ти дорога була!*) или потерять дорогу — уйти от «своих» и остаться в «чужом» пространстве. В таком случае дорога должна исчезнуть, провалиться за путешественником или оказаться безвозвратной: *Дороги би ти не стало! Запала би ся за ним дорога! Остання би ти дорога була!*

Небезынтересным в системе исконно магических вербальных формул, связанных с дорогой как границей между «своим» и «чужим» жизненным пространством, оказывается выражение *Туда ему и дорога!* Сегодня *туда и дорога!* служит для выражения отрицательного отношения к лицу, с которым произошло или могло произойти нечто опасное, неблагоприятное. М. Жуйкова, проводя семантико-культурную реконструкцию этого выражения, связывает компонент *туда* с миром «чужих» заложных покойников (нечистых, самоубийц) и считает выражение рефлексией времени, когда люди панически боялись нечистых покойников и стремились изолироваться от них, защититься от их пагубного воздействия¹⁴. Известно, что таких покойников хоронили на обочинах дорог, на границах между поселениями, в пропастях, болотах, ямах и т. п., отправляя их тем самым

¹³ FRANKO, Ľ.: *Halyc'ko-rus'ki narodni prypovidky*. Etnohrafičnyj zbirnyk, t. 2, vyp. 1. L'viv, 1907, s. 39.

¹⁴ ŽUJKOVA, M.: *Proischoždenije vyraženija tuda i doroga! i slavjanskije narodnyje predstavlenija o dvuch vidach smerti*. In: *Antropologičeskij forum*, 2004, № 1, 267–276.

в «чужое» пространство. Поэтому такая вербальная формула была своего рода оберегом, предполагавшим как акциональную (особая процедура захоронения покойника), так и вербальную (*Туда ему и дорога!*) его составляющую. Интересно, что подобное выражение в известно всем восточнославянским языкам (ср. бел. *Туды яму і дарога!*), но в украинской лингвокультуре сохраняет более древние мифосимволические связи. Выражение *Туди йому й дорога!* «пропал, так с ним и должно было случиться соответственно его характеру (судьбе)»¹⁵, синонимизируясь с *собаке собачья смерть*, обнаруживает семантическую связь с дорогой как судьбой человека. В выражении *Туди й дорога!* «к чорту помаленьку» очевидно проступает отсылание в «чужой», нечистый локус, место обитания враждебных человеку сил. Противоположное — охранное — значение имеет рус. *тебе (ему) туда не дорога (нет дороги)* «не стоит туда ходить, это не принесет ничего хорошего».

Третьей ипостасью сакральной дороги была дорога как **мифологически «нечистое место»**, служащее для удаления вредных и опасных объектов. В нем действуют злые и вредоносные для человека демонические силы. Этот образ дороги используется в многочисленных проклятиях–пожеланиях адресату контакта с представителями «чужого» мира», отсылания его как нежелательного среди «своих» в чуждый иномир¹⁶. В нечистом «инопространстве» представлены иные его характеристики, соотносящиеся с противоположными атрибутами «своего» пространства — кривизной, левизной и т. п.

Дорога, как известно, была общим местом обитания человека и нечистой силы, поэтому символически разделялась на две половины: «свою», правую, человеческую и «чужую», левую, не-человеческую, предназначенную для потусторонних существ и зверей¹⁷. Сакральная семантика дороги наиболее ярко проявляется в местах скрещения двух или нескольких дорог. Если, дойдя до развилки (излучины дорог, распутия, перепутья), человек не знает, куда ему идти, он должен выбирать правую (ср. серб. *Сврлиг*). Такое решение путника позже семантически трансформировалось в сложную ситуацию, выход из которой человеку найти нелегко: рус. *быть на перепутье (распутье)*, укр. *бути на роздоріжжі*, чеш. *být na rozcestí* «сомневаться, раздумывать, колебаться, быть в нерешитель-

¹⁵ FRANKO, Ľ.: *Halyc'ko-rus'ki narodni pryповідky*. Etnohrafičnyj zbirnyk, t. 2, vyp. 1. L'viv, 1907, s. 40.

¹⁶ Подробнее об этом см. А. Архангельская. Фразеологическая интерпретация представлений о пространстве в славянских языках. *Opera Slavica*, XXV, 2015, № 2, s. 3–18.

¹⁷ *Slavjanskije drevnosti. Ètnolingvističeskij slovar'*. T. 2. Moskva, Meždunarodnyje otnošenija, 1999, s. 128–129.

ности, быть в неуверенности». Именно на магическом *распутье* обитал демон *блуд*: вцепившись в человека, он мог заставить его бродить (блудить) на одном месте до полного изнеможения или завести в болото. Семантика «идти, не зная куда» представлена в укр. *Ide v tri dorogi* «не знает, куда». В чешской фразеологии прослеживаем связь магического локуса *scestí* с семантикой «соблазнять»: *přivádět (přivést), svádět (svést) někoho na scestí* «соблазнять кого». Семантика соблазна коррелирует с особым «напряжением» магического *scestí*, в котором несколько дорог не расходятся, а сходятся в одну (ср. синонимический ряд производного прилагательного *scestný — nesprávný, mylný, úchylný, bludný, chybný*).

Особым образом структурированное пространство человеческой (хорошей) и не-человеческой (плохой) дороги предполагает, что нечисть ходит по плохим дорогам: непрямым (кривым), левым, мокрым и т. п. Поэтому все асоциальные формы поведения человека в мировидении и миропонимании наших предков оказались связанными с «не-человеческими» дорогами: несоответствие общечеловеческим нормам поведения и этическим нормам объяснялось нахождением человека в инопространстве.

Один из выразительных атрибутов не-человеческой дороги (пути) — **кривизна**. На мотивационном образе кривизны как отклонения от прямого (правильного) пути построены многочисленные фразеологизмы с пространственной семантикой передвижения по дороге. Первую группу образуют единицы с семантикой отклонения от намеченного (прямого, правильного) пути, по которому предполагалось *идти прямой дорогой (путем)*: рус. *сбиться с пути (дороги)* «заплутать, заблудиться», *быть на ложной дороге (на ложном пути)*, укр. *зблудити (звертати) з шляху (правої дороги), згубити (змилиити) дорогу, схибити (збитися) з дороги (шляху, пути), зійти з рівної (прямої) дороги* (ср. чеш. *z cesty vycházeti* «непорядочно себя вести, главным образом в супружестве», *svést někoho z cesty* «соблазнить кого»). Идти по прямой дороге — норма в человеческих отношениях и поведении: рус. *идти по прямой дороге* «находиться на верном пути; быть искренним, открытым», укр. *Я простими дорогами ходжу* «я прямой и открытый в мыслях и поступках» (укр. *протий* «прямо направленный, прямой (о дороге, пути)»). В сборнике Ф. Л. Челаковского нами обнаружено любопытное выражение с XV века *Cesta mimo vráta: kdo ví, kdo je táta*¹⁸, также отражающее моральный аспект отклонения от прямого (правильного) пути.

¹⁸ ČELAKOVSKÝ, F. L.: *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*. Praha, 2000, s. 731.

Вторая группа представляет семантику кривой дороги и сопровождающие ее отрицательные коннотации, связанные с неискренностью, лживостью, моральной нечистоплотностью. Здесь все проявления кривизны — изгибы, искривления, перекосы, перекручивания, движение по кругу и окольными путями — имеют смысл отступления, отклонения от правильного положения дел, от нормы. В русском языке фиксируются ФЕ *ступить (выйти) на кривую дорогу (дорожку; кривой путь)*, паремии *Прямым путем (прямоком) по кривой не ездят. По кривой дороге вперед не видать*. В украинской фразеологии и паремиологии кривизна как отклонение от нормы поведения представлена в единицах *Взяв ся на круті дороги* «пошел крутить, начал вести дело обманным путем», где прилагательное *круті* связано с *крутить* «действовать с помощью каких-то уловок; хитрить»; *Кривими дорогами ходиш* «неискренне говоришь, используешь нечестные приемы»; *Тота дорога кривулями іде* «когда человек пускается на хитрости и подлог». В чешском языке нами обнаружены ФЕ *choditi křivými (postranními) cestami* «жить неправильно, аморально» и *Kde cesta rovná, nezajížděj*.

Интересным оказывается и мифосимволический образ окольного пути: рус. *идти окольным (обходным) путем* «пользоваться неблаговидным, нечестным приемом», укр. *збиватися (збитися, сходити, зійти і т. ін.) на манівці* «вести себя, действовать неправильно», *іти (блудити і т. ін.) манівцями (манівцем)* «делать что-то неправильно». В русской региональной идиоматике встречаем еще один мотивационный образ — непрямо направленного (кривого, кругообразного) движения, связанный с семантикой «крутиться, вертеться»: *вертится как бес и дорога в лес* ирон. «о постоянно изворачивающемся, хитрящем и коварном человеке», *уверток как в лесу поверток* ирон. «об увертливом, хитроумном человеке» (*уверток* — диал. поворот дороги). С указанной семантикой связано и новгородское проклятье *Колесом тебе (вам) дорога!* «пожелание кому-либо несчастливой пути, неудачной дороги; убирайся с глаз долой, проваливай!»¹⁹.

Еще одним признаком не-человеческой, «нечистой» дороги является атрибут **плохая**, а человеческой — **хорошая**. Аксиологическая оценка такой дороги также связана с моральными и этическими константами, стереотипными моделями нормативного поведения: рус. *быть на хорошей (верной, правильной) дороге* «стремиться к добру, повышаться по службе, обретать уважение и почет», *наставлять кого на путь истинный* «направлять кого-либо по правильному пути», укр. *Він уже на добрій дорозі* «дела

¹⁹ МОКИЕНКО, V., НИКИТИНА Т. *Bol'soj slovar' russkich narodnych sravnenij*. Moskva, Olma — Mediagrupp, 2008, s. 553.

улучшились, кто-то набрался ума», *вернуться (вийти) на праву (добру) путь, наставляти (направляти, напучувати)* кого на добру путь, чеш. *dostat se na správnou cestu*. Прямой путь имеет положительную коннотацию, обнаруживая четкую связь с *правильным*, а через него — с *правым* как положительным краем семантической оппозиции «**правый**»–«**левый**». Пространственным образом, на основе которого возник указанный перенос, был образ «прямизны», ведь исконное значение слова *правый* — «прямой». В какой-то исторический период в сознании носителей языка *правый* синонимизировался с *прямым* как в пространственном, так и в оценочном значениях²⁰.

Противоположная оценочность сопровождает дорогу с точки зрения анти-нормы — плохой (неправильный): рус. *быть на плохой (неверной) дороге, ступить на плохую (опасную) дорожку*, укр. *зійти (збиватися, збочувати) на хибний шлях, зблудити з правої (чистої) дороги, звестися на злу (погану) дорогу, ніти блудною дорогою*, чеш. *dostat se (přivést někoho) na špatnou cestu, chodit po zlých (špatných) cestách*. Неправильность дороги усиливается атрибутами рус. *плохой, неверный, опасный*, укр. *хибний, поганий, злий, (не)правий, (не)чистий, блудний*, чеш. *špatný, zlý*. Христианская доминанта семантики «правильной» дороги обусловила ее понимание как пути страданий, испытаний и скорби во имя высокой цели: рус. *Крестный путь*, укр. *Хресна дорога*, чеш. *Křížová cesta* (с лат. *Via Dolorosa*) — «дорога страданий, жизнь, полная стойко переносимых бедствий». Плохая, неправильная, и хорошая, правильная в общечеловеческом смысле дорога связывается с неблагим и благим жизненным путем, приводящим человека в конце его земного бытия либо в рай, либо в ад. Однако не всегда добрые намерения этому способствуют: рус. *Благими намерениями вымощена дорога в ад*, укр. *Добрими (благими) намірами (справами) викладена (вистелена, вимощена) дорога до пекла*, чеш. *Cesta do pekla je dlážděna dobrými úmysly* — «о добрых, но дурно исполненных намерениях».

Плохая (нечистая) дорога в украинской фразеологии связывается с собакой (псом) как нечистым животным: *Бодай ти на песьї дороги зійшов!* «проклятье: чтоб ты превратился в ничто». О женщине, ударившейся в разгульную жизнь и блуд, говорят: *песьїми дорогами пішла*. В некоторых случаях в роли атрибута плохой и хорошей дороги выступает указательное местоимение: укр. *такими дорогами я не звик ходити* «чураюсь нечестных поступков и мыслей», *тою дорогою далеко не зайдеш* «такие поступки до добра не доведут», *тота дорога кривулями іде* «по такому пути до

²⁰ JAKOVLEVA, Je. S.: *Fragments russkoj jazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija)*. Moskva, Gnozis, 1994.

добра не дойдешь», чеш. *je na té cestě* «кто-то на хорошем, правильном пути».

В сакральной семантике дороги проступает еще одна семантическая оппозиция «сухой»–«мокрый». Правильная, чистая и честная дорога является сухой: *dělat něco suchou cestou* «делать что-либо честно и открыто». Неправильная дорога в мировидении славян ассоциируется с атрибутами скользкий (рус. *встать на скользкую дорожку, катиться по скользкой дорожке*, укр. *зійти (збитися, збочити) на слизький шлях* «ступить на преступный, аморальный путь» (ср. укр. поговорку-предупреждение *У пропасть дорога ковзка*)).

Где-то здесь и пролегает граница между хорошей и плохой мифосимволической дорогой как сакральным локусом и хорошей и плохой дорогой в смысле профанном. Представления о хорошей дороге как полосе, предназначенной для комфортного передвижения в обычном, обыденном, а не мифологизированном пространстве, закреплены в устойчивых выражениях рус. *Дорога как скатерть — садись да катись; дорога как яйцо*, укр. *дорога рівна, як тик (ремінь); хоч яйцем коти*, чеш. *cesta jako stůl*. Плохая, разбитая, ухабистая и т. п. дорога представлена в фразеологизмах рус. *дорога как стиральная доска, дорога как после бомбежки*, укр. *дорога — вороги карати; Така дорога, що ледве душу з чоловіка не витрясе*, чеш. *Tady čert vozil (tahal za nohy) svoji mámu (babu)*.

Дорога обычно бывает долгой, и в ней чрезвычайно важен попутчик: рус. *В дороге отец сыну товарищ*, поэтому русские говорят, что *В дороге и ворога назовешь родным отцом (батьюшкой)*, украинцы — *В дорозі і баба — дар божий*. В дороге человеку всегда пригодятся деньги, хлеб и осторожность: рус. *Хлеб в дороге лишним не бывает*, чеш. *Peněz a opatrnosti na cestě nikdy nezbyvá*. Нелишнее и спросить дорогу (рус. *На дороге стой, а дороги спрашивай*, укр. *Хто на дорогу питає, той не блудить*, чеш. *Cesta leží na konci jazyka*). И спрашивать следует у того, кто может помочь: укр. *У сліпого дороги, що в дурного ради марно питати*, чеш. *Slepého na cestu a blázna na radu se neptej*.

Представления об узкой дороге, на которой сложно разминуться или разехаться, в профанном смысле обнаруживают связь с ситуацией конфликта: рус. *сойтись на узкой дороге*, укр. *Вузька нам дорога — не розминемося*. Дорога в профанном значении — также способ решения проблемы. Чешская народная мудрость предупреждает, что лучшая дорога — средняя: чеш. *Zlatá střední cesta* «лучше быть в решениях умеренным, не впадать в крайности». Это дает возможность избежать открытого конфликта: *Do soudu nepouštěj, dřív jiné cesty hledej*. Ведь цели можно достичь разными путями: рус. *Все дороги (пути) ведут в Рим*, укр. *Всі дороги ведуть у Рим*

(до Рима), чеш. *Všechny cesty vedou do Říma* «разными (путями) средствами достигают цели».

Профанное значение закрепилось за дорогой и в приметах: рус. *Коли на Евсея на дорогах грязь, то будет овес — князь*, чеш. *Když na cestách bláto, oves bývá jako zlato*. А семантика торной дороги приобретает положительное значение пути к чему-либо хорошему, положительному: рус. *на торной (битой, проезжей) дороге трава не растет*, укр. *вийти з манівців на битий шлях, вторувати дорогу до щастя і долі*, чеш. *K dobré studánce vede ušlapaná cestička*.

В украинском и чешском языковом сознании перемещение по дороге оказалось связанным с состоянием алкогольного опьянения. В украинском языке пьяный *иде в три дороги*, в чешском *jde čtyřmi cestami*, при этом *cesta mu nestačí* и *každá cesta je mu úzká*. Выражения *mít širokou (úzkou) cestu, šňěrovat (drátovat) cestu od zdi do zdi, dělat husí cestu* характеризуют перемещение пьяного человека по дороге. А еще профанное понимание дороги поможет выпроводить поднадоевшего гостя домой, достаточно ему *posvítit na cestu*.

Культурно-семантическая реконструкция историко-этимологического и фразеологизированного образа *дороги* в славянских языках выявила не только глубинные, закодированные этимологической демотивацией образы, но и значительно более высокую долю сакрального в сравнении с профанным, хотя в речевой практике современных носителей языка, по данным эксперимента, проведенного Н. С. Абрамовой, имеет место его десакрализация²¹. В изучаемых языках сакральная семантика дороги соотносится с жизненным путем, границей между «своим» и «чужим» пространством и воспринимается как мифологически «нечистое» место. В то же время «генная» память ключевых наименований дороги в разных языках обуславливает несколько различные ее рефлексии и семантические преобразования во фразеологии и паремиологии. Отсутствие четко выраженной семантики опасности в чешском наименовании дороги *cesta* стало причиной различий в вербальной актуализации злопожелательной семантики дороги как неблагоприятной судьбы, отдельных атрибутов «плохой» дороги. Различия наблюдаем и в отношении невозможности объединения (слияния) «своей» и «чужой» дороги, связанной с их «перегораживанием» зловредным фитонимным объектом, в символике перекрестка, окольного пути, отклонения от правильного пути, где семантика фразеологизмов тяготеет к сфере интимно-семейных отношений (соблазнять)

²¹ ABRAMOVA, N. S.: *Mifologema doroga kak bazovyy semantičeskij komponent jazykovoj kartiny mira*. In: Ural'skij filologičeskij vestnik. Serija «Psichologingvistika v obrazovanii». 2013, vyp. 4, 116–125.

и внутриличностных аспектов (заблуждаться), в то время как в других языках она имеет более широкий диапазон (отклонение от моральных и этических норм: неискренность, хитрость, обман, коварство и др.). При этом во всех языках выразительно проступает нравственная интерпретация дороги. Неравномерную интенсивность и различия в образном наполнении засвидетельствовали и оппозиции «свой»–«чужой», «прямой»–«кривой», «левый»–«правый», «сухой»–мокрый».

В профанной интерпретации дороги также наблюдаем как сходства, так и различия, при этом те фрагменты континуума дороги, которые в языках вербализованы (качества самой дороги, взаимоотношения и поведение людей в дороге и на дороге, необходимые в дороге предметы и вещи), свидетельствуют о том, что идиоматика таким образом «приспосабливается» к выражению актуального «коллективного» сознания лингвокультурного сообщества.

Литература:

- ABRAMOVA, N. S.: *Mifologema doroga kak bazovyy semantičeskij komponent jazykovoj kartiny mira*. In: Ural'skij filologičeskij vestnik. Serija «Psichologin-gvistika v obrazovanii». 2013, vyp. 4, 116–125.
- BAJBURIN, A. K.: *Ritual v tradicionnoj kul'ture. Strukutrnno-semantičeskij analiz vostočnoslavjanskich obrjadov*. Sankt-Peterburg, 1993.
- BONDAR, T. V.: *Ukrajins'ki, rosijs'ki ta anhlijs'ki stali vyrazy z komponentamy doroga, šljach, put', road ma way: zistavnyj analiz*. Kul'tura narodov Pričernomor'ja, 2007, № 110, t. 1, 52–54.
- ČELAKOVSKÝ, F. L.: *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*. Praha, 2000.
- ČEREPANOVA, O. A.: *Put' i doroga v russkoj mental'nosti i drevnich tekstach*. [Èlektronnaja versija]. Dostup s <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html>.
- DAL', V. I.: *Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka*. T. 1. Moskva, 1956.
- FLAJŠHANS V.: *Česká přísloví. Sbírka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. Olomouc, VUP, 2013.
- FRANKO, Ī.: *Halyc'ko-rus'ki narodni pryrovidky*. Etnohrafičnyj zbirnyk, t. 2, vyp. 1. L'viv, 1907.
- GORJAJEV, N. V.: *Opyt sravnitel'nogo ètimologičeskogo slovarja russkogo jazyka*. Tiflis 1986.
- CHARČENKO, V. K., TONKOVA, Je. Je.: *Lingvistika narodnoj primety*. Belgorod, 2008.

- JAKOVLEVA, Je. S.: *Fragmenty russkoj jazykovej kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija)*. Moskva, Gnozis, 1994.
- MOKIENKO, V., NIKITINA T. *Bol'šoj slovar' russkich narodnych sravnenij*. Moskva, Olma – Mediagrupp, 2008.
- OŽEGOV, S. I., ŠVEDOVA, N. Ju.: *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka*. Moskva, Russkij jazyk, 1996.
- Slavjanskije drevnosti. Ėtnolingvističeskij slovar'*. T. 2. Moskva, Meždunarodnyje otnošenija, 1999, s. 124–129.
- SVEŠNIKOVA, T. N., CIV'JAN, T. V.: *K funkcijam posudy v vostočnoromanskom fol'klore*. In: *Iz rabot Moskovskogo semiotičeskogo kruga*. Moskva, Jazyki russkoj kul'tury, 1997, 345–375.
- ŠČEPANSKAJA, T. B.: *Kul'tura dorogi na russkom Severe*. In: *Russkij Sever*, 1992.
- TOLSTAJA, S. M.: *Semantičeskije kategorii jazyka kul'tury: Očerki po slavjanskoj ėtnolingvistike*. Moskva, URSS, 2010.
- VOROB'JEVA, N. A.: *Sakra'noje kak komponent jazykovej idiomatiki*. In: *Političeskaja lingvistika*. 2005, № 16, 131–138.
- ZORINA, L. Ju.: *Put' da dorožen'ka!* In: *Russkaja reč'*, 2013, № 5, 102–110.
- ŽUJKOVA, M.: *Proischoždenije vyraženiya tuda i doroga! i slavjanskije narodnyje predstavlenija o dvuch vidach smerti*. In: *Antropologičeskij forum*, 2004, № 1, 267–276.

Alla Mstislavovna Arkhanhelska

Palacký University in Olomouc, The Faculty of Arts,
The Department of Slavonic Studies, Olomouc, Czech Republic
alla_arkhanhelska@yahoo.com